

УДК 94 (571.13+574.2): 323.4: 329.14 »1914/1918»

**ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ПОДПОЛЬЕ
В ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ И АКМОЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ**

С. В. Макаrchук

**WORLD WAR I AND THE SOCIAL DEMOCRATIC UNDERGROUND
IN TOBOLSK PROVINCE AND AKMOLA REGION**

S. V. Makarchuk

Исследуется влияние Первой Мировой войны на социал-демократическое подполье в Тобольской губернии и Акмолинской области. Особое внимание уделено рассмотрению процессов, ведущих к «затуханию» политического подполья и переходу подпольщиков к легальной деятельности. Конкретно-исторические сведения и основные выводы основаны на материалах архивов, впервые вводимых в научный оборот.

The paper examines the impact of World War I on the social-democratic underground in Tobolsk and Akmola region. Particular attention is paid to the processes that led to the “decay” of the political underground and the underground’s move to legal activities. Specific historical data and key findings are based on materials of archives, introduced in the scientific use for the first time.

Ключевые слова: политическое подполье, социал-демократы, Первая Мировая война, политическая ссылка, конспирация, гражданское общество, легализм, Тобольская губерния, Акмолинская область.

Keywords: political underground, social democrats, World War I, political exile, conspiracy, civil society, legalism, Tobolsk Province, Akmola Region.

100 лет прошло с начала Первой Мировой войны. Знаменательная дата подстегнула интерес историков к изучению и осмыслению тех давних событий. Великая война повлияла на все стороны жизни России, в т. ч. в дальних тыловых окраинах. Она изменила приоритеты общественной жизни и принципы формирования гражданского общества. Исследование внутриполитических процессов и закономерностей функционирования радикальной оппозиции в экстремальных условиях представляет интерес с точки зрения исторического опыта и его учёта в современной социальной и политической практике.

Законы военного времени и мобилизация на фронт мужского населения не способствовали развитию партийно-политического движения, тем более антиправительственного и подпольного. Подпольщикам приходилось работать в условиях постоянного «внутреннего» и «внешнего» наблюдения со стороны охраны. Филёры и сексоты способствовали «ликвидации» как отдельных лидеров подполья, так и целых групп, кружков, организаций. Немаловажную роль в затухании подполья сыграл переход многих социал-демократов на оборонческие и ликвидаторские позиции, предполагающие мир и социальное сотрудничество внутри страны перед лицом внешней военной опасности.

Особый урон война нанесла малочисленным и слабым группировкам подпольщиков, состоящим в основном из находящихся под гласным надзором полиции политических ссыльных. Так, в Тобольске ссыльным социал-демократам Н. М. Немцову, В. И. Полонскому, С. И. Цвиллингу перед войной удалось создать подпольный кружок, опирающийся на учащихся средних учебных заведений. Были налажены связи с центрами заграничных фракций. На имя Немцова приходила газета «Социал-демократ», а также плехановский «Дневник социал-демократа» и «Правда» Л. Д. Троцкого. Венская «Правда» поступала также по адресу:

«г. Тобольск. Почтовая улица – П. П. Вахминцеву» [1, л. 59]. В военное время ссыльные эсдеки, в т. ч. Н. М. Немцов, продолжали свою деятельность в Тобольске, но это была уже деятельность отдельных, не связанных организацией партийцев, отошедших от подполья и посвятивших себя исключительно легальной работе.

Аналогично развивались события и в других малых городах Тобольской губернии. Перед войной предпринимались неоднократные попытки восстановить нелегальную социал-демократическую организацию в Кургане. Пермское районное охранное отделение располагало сведениями, что во главе возрождающейся организации РСДРП стоит слесарь депо Троценко. Агентурными данными установлено, что в организацию входили – Долотов, Игумнов, Леднёв, Нечаев, Могильникова, Гусаров, Васильев, Никитин. Установлены факты поступления зарубежной партийной корреспонденции в Курган. Но всё же восстановить полноценную подпольную организацию в городе так и не удалось. По сообщению секретного сотрудника «Аксёнова» в 1913 г. в Кургане проживали 21 человек – члены «бывшей Курганской группы РСДРП» [4, л. 128]. Но в подпольную организацию они так и не сформировались и никакой нелегальной работы не вели.

В Туринске в годы реакции слабо проявляла свою деятельность небольшая социал-демократическая группа ссыльных, имеющая даже нелегальную библиотеку, но уже к 1910 г. она прекратила существование. В дальнейшем в Туринске определённую работу проводили отдельные, не связанные с организацией социал-демократы. В 1914 г. они предприняли попытку объединиться в группу, во главе которой стояли И. Ф. Рогожин, Е. П. Вишневецкий, С. И. Попова. Они ходатайствовали перед властями об открытии типографии с целью издания местной легальной газеты. Помощник начальника Губернского жандармского

управления (ГЖУ) располагал также сведениями, что «Рогожин имеет кинематограф, в помещении которого под видом чтения выписываемых им для ожидающей публики газет и журналов собираются иногда близкие к нему по организации лица» [2, л. 4].

При обыске на складе редакции большевистской «Правды» в 1914 г. был обнаружен конспиративный адрес в Туринске для пересылки газеты политссылной К. Т. Новгородцевой [5, л. 52]. Клавдия Тимофеевна Новгородцева – видный деятель социал-демократической партии, сподвижник и супруга Я. М. Свердлова – находилась в ссылке в деревне Фабричная Туринского уезда. Вскоре, однако, как сообщал помощник начальника ГЖУ: «Разрозненные члены партии социал-демократов все ушли в Туринское потребительское общество...» [7, л. 86]. Агентурные сведения подтверждали, что эсдеки Туринска «занились экономическими вопросами и партийной работы не проявляют» [2, л. 4].

В довоенное время в г. Ишиме при обысках у политических ссыльных обнаруживали гектограф, библиотеку нелегальной литературы, конспиративные письма к тюменским и томским социал-демократам. Но с началом войны все подпольные связи и нелегальные действия прерываются. В архивах отсутствуют даже агентурные сведения о подозрительных лицах, имеющих хоть какое-то отношение к политическому подполью.

До войны в г. Ялуторовск на имя Фёдора Парголова регулярно посылались из-за границы «Пролетарий». Его же адрес Н. К. Крупская отправила для связи в Копенгаген. В адресной книге ЦК РСДРП за 1912 – 1914 гг., которую вела Крупская, также имелся адрес Ялуторовска. Однако, во время войны политическая активность даже отдельных, не связанных организацией ссыльных, сходит на нет и их связи с партийными центрами не прослеживаются.

То же относится к г. Таре, где находилась группа политссыльных, сообщившая свои адреса в Париж для высылки нелегальной литературы РСДРП. Здесь же на поселении жил член Московской организации РСДРП Н. Ф. Шульц, совершивший в 1914 г. побег. После этого какие-либо сведения об элементах нелегальных действий отсутствуют [11, с. 60].

Из всех социал-демократических группировок Тобольской губернии наибольшее внимание подпольной работе уделяла группа РСДРП в Тюмени. После ареста подпольщиков оставшиеся члены группы, «чтобы иметь возможность сорганизоваться», решили устроить в сентябре 1913 года какое-либо легальное общество [3, л. 236]. Но принятое на партийном собрании решение так и не было выполнено. Тюменские социал-демократы-подпольщики не имели достаточного опыта работы в легальных общественных организациях. Вместе с тем из-за частых провалов и чисто подпольного характера работы росло «недоверие членов группы друг к другу». Это отмечал в составленном на основе агентурных данных «Кратком обзоре розыскной деятельности за декабрь 1913 и январь – февраль 1914 гг.» помощник начальника Тобольского ГЖУ по Тюменскому уезду. Обзор содержит сведения о партийных собраниях, устраиваемых на квартире

Буханова и переписке «партийного характера», которую Буханов и Фомин вели с Америкой [7, л. 86].

На одном из партийных собраний Н. Буханов предложил резолюцию, осуждающую ликвидаторов, но она не была принята. На следующем же собрании была составлена резолюция с осуждением раскола социал-демократической фракции в Государственной Думе на большевиков и меньшевиков с пожеланием, чтобы партия сохранила единство [3, л. 305, 329]. Партийные собрания проводились и в 1914 году. Они проходили на берегу реки Туры, иногда превращаясь в сходки с участием рабочих [5, л. 125].

Группа продолжала поддерживать связи, в т. ч. конспиративные, с редакцией «Правды». В 1914 году при обыске в складе «Правды» найдены сведения о её посылке в Тюмень по адресам О. Кошевник и Л. Гудович, которые проходили наблюдение по Тюменской группе РСДРП. При обыске у О. Кошевника, кроме «Правды», найдены журналы «Просвещение» и «Работница», а также меньшевистский «Луч» (О. Кошевник – меньшевик, выслан в Тюмень из Гродно за принадлежность к Бунду. Проходил агентурное наблюдение по Тюменской группе РСДРП под кличкой «Слепой») [5, л. 87, 91]. Кроме адресов рассылки при обыске в редакции были найдены конспиративные ящики в разные города страны, в т. ч. в Тюмень. При дешифровке оказалось, что явочные адреса принадлежат: «Большая Разъездная улица, дом Сапожников – Г. Е. Фомину», «Орловская улица, д. № 3. – Я. А. Макину», «Тобольская улица, д. 25 – Н. П. Сиротину». Разработка сведений на месте показала, что все трое являются активными деятелями тюменского социал-демократического подполья [5, л. 110, 120 – 125]. С началом войны особенно выделялся Г. Е. Фомин, получивший следующую характеристику охраны: «Известен своею фанатичной преданностью делу Рос. С-Д. Партии пользуется в рабочей среде исключительной популярностью опытного организатора и пропагандиста». В отделении имелись сведения, что именно он был организатором сходок, проходивших в Тюмени в июле 1914 года при участии члена Государственной Думы социал-демократа М. К. Муранова (Г. Е. Фомин был сослан в Тюмень за принадлежность к Московской организации РСДРП. Проходил по наблюдению за Тюменской организацией РСДРП под кличкой «Хитрый»). Его положение как подпольщика значительно ухудшилось после провала в конце 1914 г. организованной под его руководством массовки. Опасаясь преследований, он в декабре 1914 г. выехал из Тюмени) [5, л. 120].

После отъезда Г. Е. Фомина внутренняя жизнь подпольной группы стала постепенно затухать. В 1915 году уже не поступали сведения о партийных собраниях, сходках, массовках. Помощник начальника ГЖУ по Тюменскому уезду неизменно сообщал в отчётах: «Город Тюмень. Революционная деятельность Тюменской группы РСДРП ни в чём особенном не проявлялась» [2, л. 4]. В 1915 – 1916 гг. партийной подпольной организации в Тюмени фактически не было, хотя отдельные социал-демократы вели легальную работу, сосредоточившись, в основном, в комиссиях городской думы – С. А. Новосёлов, М. Б. Глузман. По мнению П. И. Рощевского, тюменские соци-

ал-демократы во время войны в основном стояли на позициях меньшевиков-оборонцев [13, с. 53].

В ходе разворачивания войны и без того слабое социал-демократическое подполье Тобольской губернии всё больше уступало своё место изредка проявляющимся фактам надпольной партийной работы.

По «затухающей» линии развивалось социал-демократическое подполье и в соседнем с Тобольской губернией регионе – Степном генерал-губернаторстве. Здесь оно наиболее заметно просматривалось лишь в Акмолинской области, особенно в областном центре – Омске. В других городах подполье исчезло не без помощи секретных сотрудников политической полиции. Только в Петропавловске при ликвидации жандармского отделения в 1917 г. выяснились «сексоты» по социал-демократической организации: Гриндатный Павел, Васильев Ефим, Красильников Иван, Козельчиков Пётр [14, л. 53].

Социал-демократы Омска накануне и во время войны всячески стремились легализовать свою работу. Легальные центральные газеты социал-демократов пользовались популярностью омских рабочих. Охранное отделение располагало сведениями, что в 1913 году большевистскую «Правду» и меньшевистский «Луч» выписывали 13 рабочих [10, л. 17]. В марте 1913 года группа рабочих-партийцев Омска в составе 20 человек направила в обе газеты письмо, в котором объявила себя сторонницей «воссоздания единой социал-демократической партии». В письме выражалось порицание редакциям газет за то, что «тратится столько сил, средств и времени на братоубийственную войну, мало того, на взаимную травлю двух течений в социал-демократическом лагере». Рабочие писали: «Довольно, ...оставьте постоянное заподозрение друг друга в нечистых намерениях, это объявление друг друга врагами партии, эту взаимную травлю, не разжигайте ею вражды и междоусобицу в нашем лагере». Заключалось письмо следующим: «Довольно взаимной травли. Все силы – единому социалистическому движению рабочего класса, созданию единой социал-демократической рабочей партии» [12, с. 147 – 148].

Выраженная в письме позиция рабочих была характерна и в общем для всей единой социал-демократической организации Омска. Агентурные данные указывают, что на партсобрании 17 февраля 1913 года было решено: «...газетам «Луч» и «Правда» выразить благодарность за их направления и вместе с тем порицание за то, что они между собою ведут вражду» [9, л. 17]. На другом февральском партсобрании решили собранные за январь денежные средства /40 рублей/ разделить на 3 части: 1) на поддержание газеты «Правда»; 2) для газеты «Луч»; 3) для оказания помощи социал-демократам и социалистам-революционерам [9, л. 2].

На партсобраниях в феврале, кроме того, стояли вопросы о содействии в образовании профсоюза конторщиков, об организации побегов политссыльных, кружковой работе, партийном влиянии на комиссию по нормированию рабочего дня. В конце апреля на квартире рабочего Я. Миллера прошло партийное собрание, посвящённое предстоящему празднованию первого мая. 10 мая партийное собрание состоялось

на квартире А. В. Шемякина. В конце июня 1913 года собрание омских социал-демократов прошло на квартире М. Белкина. Решено организовать денежные сборы на литературу и помощь политическим ссыльным, а также установить твёрдый процент отчислений в пользу политического «Красного Креста»: 1 % с получающих до 75 руб., 2 % – от 75 до 150 руб., 3 % – от 150 до 250 руб. [9, л. 51 – 52].

6 декабря на собрании социал-демократов «при участии и некоторых эсеров» была предпринята попытка дать оценку факту раскола социал-демократической фракции Государственной Думы на большевиков и меньшевиков. Часть собравшихся «...настаивала на том, чтобы составить и послать во фракцию порицание за раскол». Другая же часть придерживалась мнения, что члены фракции, сознав невозможность совместной работы, должны были сложить свои полномочия. Высказываний в поддержку раскола на собрании не было. Окончательного решения по этому вопросу не последовало, т. к. собравшиеся слабо представляли себе причины, повлекшие раскол. В этот же день социал-демократы пытались организовать собрание железнодорожных рабочих для обсуждения раскола фракции, но, по сообщению агента, «собрание не состоялось вследствие проявленного рабочими индефферентизма» [9, л. 129 – 130].

В 1914 году социал-демократы также довольно часто проводили свои собрания. На партсобрании 5 января было решено устроить две конспиративные квартиры, а также особую явочную квартиру, откуда прибывающие лица будут распределяться по конспиративным квартирам. Секретный сотрудник охраны, присутствующий на собрании, доносил, что собрание решило и социалистам-революционерам «оказывать гостеприимство и помощь», помещая их в конспиративные квартиры [10, л. 3]. Это говорит о достаточной степени доверия, существующего между двумя организациями социалистических партий в Омске.

На собрании 17 мая обсуждали вопрос о формах ведения партийной работы /нелегальной и легальной/. Трое из 11 присутствующих выступили против нелегальной работы. И хотя «все остальные заявили себя сторонниками одновременной легальной и нелегальной работы», к определённому выводу на этом собрании не пришли и решили продолжить дискуссию на следующем собрании» [10, л. 42].

На партийном собрании 31 мая позицию сторонников «исключительно легальной работы» защищал некий «Давид» [10]. О необходимости сочетания нелегальной и легальной деятельности говорил К. А. Попов. «В результате пришли к решению использовать для партийной работы как легальные так равно и нелегальные пути». Собрание утвердило план работы в легальных организациях, а также создания партийной библиотеки из легальных и нелегальных изданий. Был поднят вопрос и о партработе в рабочей среде, причём сексоты сообщали о следующем решении: «...ввиду отсутствия в ней лиц, способных вести партийную работу, необходимо, чтобы интеллигенция пришла на помощь и образовала кружок для подготовки пропагандистов из рабочей среды» [10, л. 44 – 45]. Однако рабочий кружок так и не был создан, а интеллигенция

продолжала играть ведущую роль в организации на протяжении всего рассматриваемого периода.

Многих представителей интеллигенции привлекало отсутствие строгой партийной дисциплины. В организации не было централизма и присущей ему партийной иерархии. Она, по существу, не была оформлена, а в предвоенные и военные годы не имела даже комитета. На проходящей в 1913 – 1914 гг. целой серии партийных собраний количество присутствующих колебалось от 7 до 15 человек. А практически постоянными их участниками являлись одни и те же лица – К. Попов, Ф. Березовский, М. Белкин, А. Гладышев, В. Чашихин, Я. Миллер.

Ощутимый удар по подпольной организации нанесли проведённые летом 1914 года обыски у ряда её членов, обнаружившие запрещённые произведения социалистической литературы и центральные партийные издания, в т. ч. «Наша Заря», «Северная рабочая газета». И хотя все обысканные были оставлены на свободе, за исключением М. Белкина, высланного за пределы края, этот акт вынудил многих отказаться от подпольной деятельности [12, л. 186 – 188, 208]. Прервались связи с центральными органами партии.

Во время войны работу продолжили лишь отдельные партийцы, фактически не связанные подпольем. Лишь однажды, в августе 1915 года, агентурные сводки сообщили о партийных собраниях, проведённых совместно эсдеками и эсерами с целью «обсуждения вопроса о взаимном реагировании на переживаемые события» [6, л. 1]. На одном из собраний было решено выпустить воззвание, посвящённое войне. Но эта задача, связанная с нелегальной организационной деятельностью, оказалась не по силам местным социалистам.

Жандармы имели сведения и о проведении К. А. Поповым «закрытых вечеров» в культурно-про-

светительном обществе «Просвещение», куда приглашались только «доверенные лица». 13 декабря 1915 года на одном из таких «вечеров» К. А. Попов прочитал реферат, в котором обосновывал необходимость прекращения войны и призывал рабочих «уклоняться от работ в военно-промышленном комитете». Возражающие ему адвокаты Жардецкий и Лиознер заявили: «...для нас, русских, должны служить высоким примером французские социалисты, которые в настоящую войну идут всецело со своим народом и составляют одну силу и одну волю». Социал-демократ И. Смотров выступил с пацифистских позиций против всякой войны, ссылаясь на Л. Н. Толстого [8, л. 23].

Вопреки оборонческим настроениям части омских социал-демократов продолжалась социал-демократическая агитация за прекращение войны. В 1916 году вышло постановление начальника Омского жандармского управления об аресте К. А. Попова за антивоенную пропаганду и помещение его в тюрьму [12, с. 203 – 204]. Устную агитацию против войны проводил приехавший в Омск в 1916 году социал-демократ З. Лобков, которому удалось к концу года сплотить вокруг себя целую группу единомышленников (Р. Я. Анисимов, А. Ф. Блусевич, В. С. Горшков, В. В. Тараканов), но их активная деятельность началась уже после Февральской революции. В рассматриваемое же время для партийной организации Омска был характерен процесс постепенного отхода от организованного подполья. Большинство социал-демократов занимались преимущественно легальной деятельностью, используя элементы подполья лишь для её координации. В этом отношении они не отличались от соратников по партии в Тобольской губернии. Война способствовала наступлению мирной, легальной эры в эволюции гражданского общества в регионах страны.

Литература

1. Государственный архив г. Тобольска (ГАТ). Ф. 159. Оп. 1. Д. 59.
2. ГАТ. Ф. 159. Оп. 1. Д. 99.
3. ГАТ. Ф. 159. Оп. 1. Д. 153.
4. ГАТ. Ф. 159. Оп. 1. Д. 156.
5. ГАТ. Ф. 159. Оп. 1. Д. 157.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.1 02. ДП.ОО. 1915 г. Ед. хр. 9ч2ЛБ.
7. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. 1545. Оп. 11. Ед. хр. 24.
8. Государственный исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. 190. Оп. 1. Д. 328.
9. ГИАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 539.
10. ГИАОО. Ф. 270. Оп. 1. Д. 541.
11. Макачук С. В. Политическое подполье в восточных регионах России (июнь 1907 – февраль 1917 гг.). Кемерово: Кузбассвузиздат, 1994.
12. Революционное движение на территории Омской области. 1907 – 1917 гг.: Документы. Материалы. Хроника. Омск: Изд-во Омского университета, 1988.
13. Рошевский П. И. Тобольская губерния в годы первой мировой империалистической войны 1914 – 1917 гг. // Вопросы истории Западной Сибири; науч. труды Тюменск. ун-та. Вып. 1. Т. 7. Тюмень, 1974.
14. Северо-Казахстанский государственный архив (СКГА). Ф. 158. Оп. 1. Д. 19.

Информация об авторе:

Макачук Сергей Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории КемГУ, makar@kemsu.ru.

Sergey V. Makarchuk – Doctor of History, Professor at the Department of Russian History, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 16.12.2014 г.